

От переводчика

Роберт Мертон (род. 1910) принадлежит к числу тех социологов с мировым именем, которые не нуждаются в особых представлениях и рекомендациях. За долгую научную карьеру им написаны десятки работ в области общей социологической теории и специальных отраслей социологического знания, большинство которых до сих пор пользуются заслуженным вниманием профессионалов. Книга «Социальная теория и социальная структура», собравшая в себе два десятка очерков по самым важным проблемам социологии и выдержавшая несколько изданий и переизданий (1949, 1957, 1968), занимает особое место среди его произведений. Она во многом определила облик социологии второй половины XX века, сформировав научный язык. Предлагаем вниманию читателя главу из этой книги, посвященную основным проблемам социологического изучения науки.

Полный перевод книги Р. Мертона «Социальная теория и социальная структура» готовится в настоящее время в издательстве «Логос».

Р.К. МЕРТОН

НАУКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК*

Приблизительно на рубеже прошлого и нынешнего веков Макс Вебер обратил внимание на то, что «вера в ценность научной истины не что иное, как продукт определенной культуры, а совсем не данное от природы свойство»¹. Теперь мы можем добавить: и такая вера легко превращается в сомнение или неверие. Наука неуклонно развивается только в обществах с определенным порядком, подчиненных особому комплексу молчаливых допущений и институциональных ограничений. То, что кажется нам нормальным явлением, не требующим объяснения и надежно

* Доклад, прочитанный на конференции Американского социологического общества в декабре 1937 г. Автор выражает признательность профессору Риду Бейну, профессору Толкотту Парсонсу, д-ру Э.И. Харгшорну и д-ру Э.П. Хатчинсону за полезные предложения. Впервые опубликовано на русском языке в журнале «Личность. Культура. Общество». 2000. Т. 2. Вып. 2. С. 151-168.

¹ Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. S. 213 (Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 412-413). Ср.: Sorokin P. Social and Cultural Dynamics, особенно том II, глава 2.

закрепляющим многие самоочевидные культурные ценности, в другие времена было аномальным и нетипичным и во многих местах остается таковым до сих пор. Преимущество науки требует активного участия заинтересованных и талантливых людей в научных поисках. А эту поддержку науке обеспечивают только подходящие культурные условия. Поэтому нам важно изучить те регуляторы, которые мотивируют научные карьеры, отбирают и наделяют престижем одни научные дисциплины и отвергают или дискредитируют другие. При этом выяснится, что изменения в институциональной структуре могут ограничивать, модифицировать научные искания или даже, возможно, им препятствовать².

Источники враждебного отношения к науке

Враждебное отношение к науке может возникать при наличии по крайней мере двух наборов условий, хотя конкретные системы ценностей – гуманистические, экономические, политические, религиозные, – на которых оно базируется, могут значительно различаться. Первый включает в себя логическое, хотя и не обязательно правильное заключение, что получаемые наукой результаты или используемые ею методы враждебны соблюдению важных ценностей. Второй складывается главным образом из нелогических элементов. В его основе лежит ощущение несовместимости между чувствами, воплощенными в научном этосе, и чувствами, которые обнаруживаются в других институтах. Всякий раз, когда достоверность этого ощущения ставится под сомнение, оно рационализируется. Оба набора условий в той или иной степени лежат в основе нынешних восстаний против науки. Можно добавить, что такого рода рассудочные и аффективные реакции включаются также в социальное одобрение науки. Однако в данном случае считается, что наука способствует достижению одобренных целей и базисные культурные ценности ощущаются как совпадающие с ценностями науки, а не как эмоционально им противоречащие. Следовательно, положение науки в современном мире может быть проанализировано как результат действия двух наборов противоположных сил, первый из которых одобряет науку как широкомасштабную социальную деятельность, а другой ей противостоит.

Мы ограничим наше исследование лишь несколькими наглядными примерами переоценки социальной роли науки, несколько не имея при

² Ср.: *Merton R.K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England. Chap. XI.*

³ Безвременная кончина Э.Й. Хартшорна оборвала на полпути намечавшееся исследование науки в современном мире, которое должно было опираться на анализ, введенный в этой главе.

этом в виду, что локализация антинаучного движения ограничивается только этими случаями. Многое из того, что будет здесь сказано, вероятно, может быть также применено и к другим случаям, относящимся к другим временам и другим местам³.

Иллюстрацией того, каким образом логические и нелогические процессы сливаются воедино в деле модификации или сокращения научной деятельности, является ситуация в нацистской Германии после 1933 г. Отчасти сдерживание развития науки в этой стране представляет собой непреднамеренный побочный результат изменений в политической структуре и националистическом кредо. В соответствии с догмой расовой чистоты, практически все лица, не удовлетворяющие политически насаждаемым критериям «арийского» происхождения и открытого сочувствия нацистским целям, были изгнаны из университетов и научных учреждений⁴. Поскольку в число этих изгнанников попало немало выдающихся ученых, одним из косвенных следствий подобной расистской чистки стало ослабление науки в Германии.

В этом расизме имплицитно заложена вера в расовое загрязнение, происходящее через реальный или символический контакт⁵. Научные исследования тех ученых с безупречным «арийским» происхождением, которые сотрудничают с неарийцами или даже просто принимают их научные теории, либо ограничиваются, либо запрещаются. Для определения места этих ненадежных арийцев была введена новая расово-политическая категория: «белые евреи». Наиболее выдающимся членом этой новой расы стал лауреат Нобелевской премии по физике Вернер Гейзенберг, который провозгласил в своей декларации, что теория относительности А. Эйнштейна закладывает «неоспоримую основу для дальнейших исследований»⁶.

⁴ О чистке университетов см. главу III в книге: *Hartshorne E. Y.* The German Universities and National Socialism. Cambridge, 1937. Ср.: Volk und Werden, В-5, 1937, S. 320-321, где приводятся некоторые новые требования, предъявляемые к докторанту.

⁵ Это один из множества аспектов внедрения кастовой системы в Германии. Как отметил Р.М. Макайвер, «идея загрязнения обычно присутствует в любой кастовой системе» (*MacIver R. M.* Society. P. 172).

⁶ См. официальный орган СС, газеты Schwarze Korps от 15 июля 1937 г., С. 2. В этом номере Йоханнес Штарк, президент *Physikalisch-Technischen Reichsanstalt*, требует искоренить такого рода сотрудничество, которое все еще продолжается, и протестует против назначения трех университетских профессоров, которые были «учениками» неарийцев. См. также: *Hartshorne E. Y.* Op. cit. P. 112-113; *Rosenberg A.* Wesen, Grundsätze und Ziele der Nationalsozialistischen Deutschen Arbeiterpartei. München, 1933. S. 45 и далее; *Stark J.* Philipp Lenard als deutscher Naturforscher // Nationalsozialistische Monatshefte, 1936. S. 71, 106-111, где сурово осуждаются Гейзенберг, Шредингер, фон Лауэ и Планк за то, что они не порвали с «еврейской физикой» Эйнштейна.

В этих случаях чувства национальное и расовое явно возобладали над утилитарной рациональностью. Применение таких критериев, как обнаружил Э.Й. Хартшорн, принесло несоизмеримо больше потерь естественнонаучным и медицинским факультетам германских университетов, нежели факультетам теологическим и юридическим⁷. Утилитарные соображения, напротив, выходят на передний план тогда, когда официальная политика испытывает заинтересованность в тех направлениях, в которых должны вестись научные исследования. Прежде всего содействие оказывается научной работе, которая обещает прямую практическую пользу нацистской партии или Третьему рейху, и в соответствии с этой политикой перераспределяется финансовая поддержка исследований⁸. Ректор Гейдельбергского университета заявляет, что «вопрос научности [*Wissenschaftlichkeit*] всякого знания имеет абсолютно второстепенное значение по сравнению с вопросом его полезности»⁹.

Общий тон антиинтеллектуализма, со свойственным ему презрением к теоретику и восхвалением человека действия¹⁰, может оказать не только непосредственное, но и долгосрочное влияние на место науки в Германии. Ибо можно ожидать, что как только эти установки закрепятся, наиболее одаренные элементы населения будут воздерживаться от интеллектуальных дисциплин, которые, таким образом, были дискредитированы. К концу 30-х гг. последствия этой антитеоретической установки

⁷ Данные, на которых основываются эти утверждения, были взяты из неопубликованного исследования Э.Й. Хартшорна.

⁸ Ср.: *Wissenschaft und Vierjahresplan, Reden anlässlich der Kundgebung der NSD-Dozentenbundes*. 18 января 1937 г.; *Hartshorne E. Y.* Op. cit. P. 110 и дальше; *Jaensch E.R.* *Zur Neugestaltung des deutschen Studententums und der Hochschule*. Leipzig, 1937, особенно S. 57 и далее. Возьмем пример из области истории. Вальтер Франк, директор Рейхсинститута истории новой Германии, «первой германской научной организации, созданной духом национал-социалистической революции», свидетельствует, что он последним из людей откажется от симпатии к изучению древней истории, «даже истории чужеземных народов», но в то же время указывает, на то, что финансовая поддержка, оказываемая прежде Археологическому институту, должна быть перераспределена в пользу этого нового исторического учреждения, которое будет «иметь честь писать историю Национальной Социалистической Революции». См.: *Frank W.* *Zukunft und Nation*. Hamburg, 1935, особенно S. 30 и далее.

⁹ *Kriek E.* *Nationalpolitische Erziehung*. Leipzig, 1935. S. 8.

¹⁰ Нацистский теоретик Альфред Беймлер пишет: «Если сегодня какой-то студент отклоняется от политической нормы, например, уклоняется от участия в трудовом или военно-спортивном лагере с тем, чтобы улучшить время для своих занятий, то этим он показывает, что так ничего и не понял из того, что вокруг него происходит. Лишь абстрактные, ни к чему не ведущие занятия ему только и можно прогуливать». *Baeumler A.* *Mannerbund und Wissenschaft*. Berlin, 1934. S. 153.

можно было увидеть в распределении академических интересов в немецких университетах¹¹.

Было бы заблуждением предполагать, будто нацистское правительство полностью отвергло науку и интеллект. Его официальные установки в отношении науки явно амбивалентны и неустойчивы. (По этой причине любые утверждения по поводу науки в нацистской Германии высказываются с заведомыми оговорками.) С одной стороны, воинствующий скептицизм науки препятствует насаждению нового набора ценностей, требующих беспрекословного принятия. Однако новые диктатуры должны признавать (как это делал Т. Гоббс, который тоже отстаивал точку зрения, что государство должно либо быть всем, либо ничем), что наука — это сила. По причинам военного, экономического и политического характера теоретическая наука, не говоря уж о ее более уважаемой родной сестре, технологии, не может быть попросту отброшена в сторону. Опыт показал, что даже самые эзотерические научные исследования находили важное практическое применение. До тех пор, пока полезность и рациональность не отвергнуты безвозвратно, нельзя забывать о том, что именно спекулятивные размышления Клерка Максвелла об эфире привели Герца к открытию, кульминацией которого стало изобретение беспроводной связи. И в самом деле, даже один из нацистских ораторов отмечает: «Как сегодняшняя практика опирается на вчерашнюю науку, так и сегодняшние исследования становятся опорой для завтрашней практики»¹². Акцент на утилитарность требует неуничтожимого минимума интереса к науке, которую можно призвать на службу государству и промышленности¹³. В то же время этот акцент приводит к ограничению исследований в области чистой науки.

Социальные давления на автономию науки

Анализ роли науки в нацистском государстве обнаруживает следующие элементы и процессы. Расширение господства одного сегмента соци-

¹¹ *Hartshorne E. Y.* Op. cit. P. 106 и далее. Ср.: *Wissenschaft und Vierjahresplan*. Op. cit. P. 25–26, где говорится, что нынешняя «передышка в научной продуктивности» отчасти обусловлена фактом, что значительное число тех, кто мог получить научную подготовку, были рекрутированы в армию. Хотя такое объяснение данной ситуации довольно сомнительно, длительное отвлечение интереса от теоретической науки, по всей вероятности, приведет к упадку в научных достижениях.

¹² Слова профессора Тиссена. См.: *Wissenschaft und Vierjahresplan*. Op. cit. S. 12

¹³ Например, высоко ценится химия ввиду ее практической значимости. Как говорит А. Гитлер, «мы будем идти вперед, потому что у нас есть фанатичная воля помочь самим себе и потому что у нас в Германии есть химики и изобретатели, которые удовлетворят наши нужды». Цит. в: *Wissenschaft und Vierjahresplan*. Op. cit. S. 6; et passim.

альной структуры – Государства – подразумевает требование первичной лояльности к нему. Ученых, как и все других людей, призывают отказаться от приверженности всем институциональным нормам, которые, по мнению политических властей, вступают в противоречие с нормами Государства¹⁴. Нормы научного этоса должны быть принесены в жертву, поскольку требуют отрицания политически насаждаемых критериев научной достоверности или научной ценности. Экспансия политического контроля приводит, таким образом, к утверждению конфликтующих лояльностей. В этом отношении реакции набожных католиков, оказывающих сопротивление попыткам политической власти переопределить социальную структуру и внедриться в заповедные территории, традиционно принадлежавшие религии, – явление того же порядка, что и сопротивление ученого.

С социологической точки зрения, место науки в тоталитарном мире является в значительной мере таким же, как и место всех других институтов, за исключением возобладавшего надо всем Государства. Базисное изменение в этом случае состоит в перемещении науки в новый социальный контекст, где она время от времени вступает в противоборство с лояльностью к Государству. Так, например, сотрудничество с неарийцами переопределяется как символ политической неблагонадежности. В либеральном порядке такого рода ограничения науки не возникает. Ибо тогда за неполитическими институтами закрепляется существенная сфера автономии, степень которой, разумеется, изменчива.

Следовательно, конфликт между тоталитарным государством и ученым проистекает отчасти из несовместимости этики науки с новым политическим кодом, который навязывается всем людям, независимо от их профессионального кредо. Этос науки¹⁵ включает в себе функциональ-

¹⁴ Об этом недвусмысленно говорит рейхсминистр науки Бернхард Руст в: *Rust B. Das nationalsozialistische Deutschland und die Wissenschaft.* Hamburg, 1936. S. 1–22, особенно S. 21.

¹⁵ Под этосом науки подразумевается эмоционально окрашенный комплекс правил, предписаний, нравов, представлений, ценностей и допущений, которые считаются обязательными для ученого. Некоторые аспекты этого комплекса могут быть методологически желательными, однако, соблюдение этих правил диктуется не только методологическими соображениями. Этот этос, как и вообще все социальные коды, поддерживается чувствами тех, к кому он имеет отношение. Нарушение его сдерживается интернализованными запретами и неодобрительными эмоциональными реакциями, приводимыми в движение сторонниками данного этоса. Как только складывается эффективный этос такого типа, почти автоматически включаются возмущение, презрение и иные установки антипатии, которые стабилизируют существующую структуру. Это можно видеть в том сопротивлении, которое в настоящее время оказывают в Германии ученые заметным модификациям в содержании этого этоса. Этот этос можно рассматривать как «культурный» компонент науки, в отличие от «цивилизационного». См.: *Merton R.K. Civilization and Culture // Sociology and Social Research.* 1936. Vol. 21. P. 103–113.

но необходимое требование, чтобы теории, или обобщения, оценивались под углом зрения их логической непротиворечивости и согласия с фактами. Политическая этика обычно привносит до той поры нерелевантные критерии расы или политического кредо теоретика¹⁶. Современная наука сочла личностные критерии потенциальным источником ошибки и разработала безличные критерии для недопущения такого рода ошибок. Теперь ее призывают выступить с утверждением, что некоторые ученые в силу своих вненаучных принадлежностей *a priori* неспособны ни к чему, кроме иллюзорных и ложных теорий. В некоторых случаях от ученых требуют согласия с суждениями некомпетентных в науке политических лидеров, касающимися *вопросов науки*. Однако такая политически целесообразная тактика идет вразрез с институционализированными нормами науки. Последние, между тем, отбрасываются тоталитарным государством как «либералистские», «космополитические» или «буржуазные» предрассудки¹⁷, ибо они с трудом интегрируются с кампанией насаждения непререкаемого политического кредо.

С более широкой точки зрения, этот конфликт представляет собой фазу институциональной динамики. Наука, приобретшая значительную степень автономии и развившая институциональный комплекс, требующий преданности от ученых, сталкивается теперь с тем, что внешняя власть бросает вызов как ее традиционной автономии, так и принятым в ней правилам игры — короче говоря, ее этосу. Чувства, воплощенные в этосе науки, — описываемые такими понятиями, как интеллектуальная

¹⁶ См.: *Baeumler A.* Op. cit. S. 145. См. также: *Kriek E.* Op. cit., где говорится: «Nicht alles, was den Anspruch auf Wissenschaftlichkeit erheben darf, liegt auf der gleichen Rang- und Wertebene; protestantische und katholische, französische und deutsche, germanische und jiidische, humanistische oder rassische Wissenschaft sind zunächst nur Möglichkeiten, noch nicht erfüllte oder gar gleichrangige Werte. Die Entscheidung über den Wert der Wissenschaft fällt aus ihrer 'Gegenwartigkeit', aus dem Grad ihrer Fruchtbarkeit, ihrer geschichtsbildenden Kraft...» [«Не все, что может претендовать на научность, относится к области одинаково значимого и равноценного; протестантская и католическая, французская и немецкая, германская и еврейская, гуманистическая или расовая наука есть прежде всего лишь возможность, пока еще не исполненная и еще не наделенная равнозначной ценностью. Решение по поводу ценности науки принимается исходя из ее «злободневности», исходя из степени ее плодотворности, ее умения понимать историю...»].

¹⁷ Так, например, Эрнст Крик говорит: «В будущем в науке фикцию вялой нейтральности будут принимать не более чем это делают в праве, экономике, государстве или общественной жизни вообще. Метод науки в действительности лишь отражение метода руководства». *Nationalpolitische Erziehung*. S. 6. Ср.: *Baeuraler A.* Op. cit. S. 152; *Frank W.* *Zukunft und Nation*. S. 10; противопоставьте это веберовскому «предрассудку», что «Politik gehört nicht in der Horsaal» [«политике не место в аудитории»]. (*Вебер М.* Наука как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 721).

честность, неподкупность, организованный скептицизм, бескорыстность, безличность, — грубо попираются новым набором чувств, который навязывается в сфере научных исследований Государством. С переходом от прежней структуры, в которой существовали ограниченные центры власти, сосредоточенные в различных областях человеческой деятельности, к такой структуре, где существует одно-единственное централизованное сосредоточение власти над всеми аспектами поведения, представители каждой сферы начинают сопротивляться таким изменениям и пытаются сохранить первоначальную структуру плюралистической власти.

Хотя ученого принято считать бесстрастным, безличным индивидом — а это и в самом деле может быть так в том, что касается технической стороны его деятельности, — следует помнить, что ученый, как и все другие профессионалы, вносит огромные эмоциональные инвестиции в свой образ жизни, определяемый теми институциональными нормами, которые руководят его деятельностью. Социальная стабильность науки может быть гарантирована лишь при условии, что будут установлены адекватные способы защиты ее от изменений, навязываемых извне научного сообщества.

Процесс сохранения институциональной незапятнанности и сопротивления новым определениям социальной структуры, могущим поставить под вопрос автономию науки, находит выражение в еще одном направлении. Современная наука придерживается базисного допущения, что научные положения «неизменны вне зависимости от индивида» и группы¹⁸. Однако в насквозь политизированном обществе — где, как говорит один нацистский теоретик, «признается всеобщее значение политического»¹⁹, — это допущение начинает оспариваться. Научные открытия считаются всего лишь самовыражением расы, класса или нации²⁰. Поскольку такие доктрины получают хождение среди обывателей, они провоцируют общее недоверие к науке и умаление престижа ученого, открытия которого начинают казаться произвольными и непостоянными.

¹⁸ *Levy H.* The Universe of Science. New York, 1933. P. 189.

¹⁹ *Baeumler A.* Mannerbund und Wissenschaft. S. 152.

²⁰ Представляет значительный интерес, что тоталитарные теоретики приняли в качестве политического средства дискредитации «либеральной», «буржуазной» или «неарийской» науки радикальные релятивистские доктрины *Wissenssoziologie*. Выход из этого тупика дает постулирование архимедовой точки опоры: непогрешимости фюрера (*der Fuhrer*) и его народа (*Volk*). (См.: *General Hermann Goering, Germany Reborn*. London: Mathews & Marrot, 1934. P. 79). Политически эффективные вариации «реляционизма» Карла Маннгейма (например, «Идеология и утопия») использовались в пропагандистских целях такими нацистскими теоретиками, как Вальтер Франк, Э. Крик, Руст и Розенберг.

Эта разновидность антиинтеллектуализма ставит под угрозу социальную позицию ученого и обычно встречает с его стороны довольно энергичный отпор. На идеологическом фронте тоталитаризм также влечет за собой конфликт с традиционными допущениями современной науки.

Функции норм чистой науки

Одно из чувств, которое усваивается ученым с самого начала его профессионального обучения, связано с чистотой науки. Наука не должна позволить себе стать служанкой теологии, экономики или государства. Функция этого чувства, соответственно, состоит в том, чтобы оберегать автономию науки. Ибо в случае принятия таких вненаучных критериев ценности науки, как предполагаемое согласие с религиозными доктринами, экономическая полезность или политическая благонадежность, наука начинает допускаться лишь в той мере, в какой она отвечает этим критериям. Иначе говоря, как только устраняется чувство чистоты науки, наука оказывается подчинена прямому контролю со стороны других институтов, и ее место в обществе становится все более и более неопределенным. Упорный отказ ученых от применения утилитарных норм в своей работе имеет своей основной функцией избежание этой опасности, которая особенно заметна в настоящее время. Из негласного признания этой функции, возможно, и проистекает тот, быть может, апокрифический застольный тост, который в ходу у ученых в Кембридже: За чистую математику, и пусть она никогда не будет никому полезной!

В превознесении чистой науки, таким образом, усматривается средство защиты от вторжения норм, ограничивающих направления возможного прогресса и угрожающих стабильности и продолжению научных изысканий как ценимой социальной деятельности. Технологический критерий научного достижения, разумеется, тоже имеет для науки позитивную социальную функцию. Возрастающие удобства и преимущества, источником которых является технология и, в конечном счете, наука, призывают к социальной поддержке научных исследований. Кроме того, они удостоверяют чистоту помыслов ученого, поскольку абстрактные и сложные теории, которые не могут быть поняты и оценены обывателем, предположительно обретают доказательство, понятное для всех, а именно — свое технологическое применение. Готовность к признанию авторитета науки в значительной степени опирается на повседневную демонстрацию ее могущества. Не будь таких косвенных доказательств, устойчивая социальная поддержка науки, остающейся интеллектуально непостижимой для публики, вряд ли смогла бы подпитываться одной лишь верой в нее.

В то же время значимость, придаваемая чистоте науки, имела и другие последствия, которые, скорее, угрожают социальной оценке науки, нежели ее оберегают. То тут, то там приходится слышать мнение, что ученые в ходе своих изысканий должны игнорировать какие бы то ни было соображения, за исключением развития знания²¹. Внимание должно быть сосредоточено исключительно на научной значимости работы, невзирая на то, какие практические применения она может получить и какими будут ее социальные последствия вообще. Обычное оправдание этого принципа — который имеет отчасти фактические корни²² и который, в любом случае, выполняет определенные социальные функции, как мы с вами только что увидели, — гласит, что отказ следовать этому предписанию будет чинить препятствия исследованию, повышая возможность предвзятости и ошибки.

Однако это *методологическое* воззрение оставляет без внимания социальные результаты такой установки. Объективные последствия этой установки заложили еще одно основание для бунта против науки — зарождающегося бунта, который можно найти практически в каждом обществе, где наука достигла высокой стадии развития. В силу того, что ученый не контролирует или не может проконтролировать направление, в котором будут применены его открытия, он становится объектом упреков и еще более несдержанных реакций в той мере, в какой эти применения порицаются властными органами или группами давления. Антипатия к технологическим продуктам проецируется на саму науку. Так, например, когда новоизобретенные газы или взрывчатые вещества находят применение в военном деле, те, чьи гуманистические чувства оказыва-

²¹ Р. Парето, например, пишет: «Поиск экспериментальных единообразий является самоцелью». См. типичное утверждение Джорджа Э. Ландберга: «Не дело химика, изобретающего мощное взрывчатое вещество, руководствоваться в решении своей задачи соображениями касательно того, будет ли его продукт использоваться для разрушения церквей или для строительства туннелей в горах. Точно так же не следует и социальному ученому, занимающемуся поиском законов группового поведения, позволять себе поддаваться влиянию соображений по поводу того, насколько будут согласовываться его выводы с существующими понятиями и какое воздействие окажут его открытия на социальный порядок». *Lundberg G.A., Bain R., Anderson R.* (eds.) *Trends in American Sociology*. New York, 1929. P. 404–405. Ср. с замечаниями Рида Бейна в: *Bain R. Scientist as Citizen // Social Forces*. 1933. Vol. 11. P. 412–415.

²² Нейрологическое обоснование этой точки зрения можно найти в очерке Э.Д. Адриана в книге: *Factors Determining Human Behavior*. Harvard Tercentenary Publications, Cambridge, 1937. P. 9. Он пишет: «В различительном поведении... должен наличествовать какой-то интерес: тем не менее, если он слишком высок, поведение перестает быть различительным. При сильном эмоциональном стрессе поведение обычно подпадает под один из нескольких стереотипных образцов».

ются при этом пограны, подвергаются цензуре химию в целом. Наука признается в значительной степени ответственной за допущение тех орудий уничтожения людей, которые, как говорится, могут обрушить нашу цивилизацию в вечную ночь и хаос. Или взять другой показательный пример. Быстрое развитие науки и связанной с ней технологии вызвало подспудное антинаучное движение в рядах крупных предпринимателей и тех, чье чувство экономической справедливости оказалось им покороблено.

Знаменитый сэр Джосайя Стэмп и целая армия менее примечательных людей предложили ввести мораторий на изобретения и открытия²³, дабы человек мог получить передышку и воспользоваться ею для того, чтобы приспособить свою социальную и экономическую структуру к постоянно изменяющейся среде, в которую его помещает «приводящая в смятение плодовитость технологии». Эти предложения получили широкую рекламу в прессе и высказывались с неутомимой настойчивостью в адрес научных организаций и правительственных учреждений²⁴. Это со-

²³ Разумеется, из этого еще не складывается движение, противостоящее науке как таковой. Более того, разрушение рабочими машин и подавление капиталом изобретательства имели место и в прошлом. См.: *Merton R.K. Fluctuations in the Rate of Industrial Invention // Quarterly Journal of Economics. 1935. Vol. 49. P. 464 и далее.* Однако это движение порождает мнение, что науку следует считать полностью ответственной за ее социальные последствия. Предложение сэра Джосайи Стэмпа можно найти в его обращении к Британской ассоциации развития науки, зачитанном 6 сентября 1934 года. Такие моратории предлагались также М.Кайо (см.: *Strachey J. The Coming Struggle for Power. New York, 1935. P. 183*), Х.У. Самнерсом в Палате представителей США, а также многими другими. С точки зрения нынешних гуманистических, социальных и экономических критериев, некоторые из продуктов науки более вредны, чем полезны. Эта оценка может подорвать рациональное обоснование научной работы. Как патетически воскликнул один ученый: если человек науки обязан оправдывать свою работу, то я напрасно потратил свою жизнь! См.: *Soddy F. (ed.) The Frustration of Science. New York, 1935. P. 42 и далее.*

²⁴ Английские ученые особенно энергично выступили против «проституирования научных изысканий в военных целях». Президентские обращения, прочитываемые на ежегодных собраниях Британской ассоциации развития науки, многочисленные передовицы и письма, публикуемые в журнале «Nature», свидетельствуют об этом движении за «новое осознание социальной ответственности среди подрастающего поколения научных работников». Среди лидеров этого движения – сэр Фредерик Гуленд Хопкинс, сэр Джон Опп, профессор Содди, сэр Дэниэл Холл, д-р Джулиан Хаксли, Дж.Б.С. Халдейн и профессор Л. Хогбен. См., в частности, письмо, подписанное двадцатью двумя учеными Кембриджского университета, в котором предлагается программа отмежевания науки от военного дела (*Nature. 1936. Vol. 137. P. 829*). Эти попытки совместных действий, предпринятые английскими учеными, резко контрастируют с безразличным отношением к этим вопросам ученых нашей страны. (Это наблюдение относится к периоду, который предшествовал появлению атомного оружия.) Основания этого контраста полезно было бы изучить. Во всяком случае, хотя это движение, возможно, и берет начало в чувствах, оно может выполнять функцию устранения одного из источников враждебного отношения к науке в демократических режимах.

противление исходит в равной степени со стороны тех представителей труда, которые опасаются утраты капиталовложений в их навыки, устаревающие в столкновении с потоком новых технологий, и из рядов тех капиталистов, которые возражают против моментального устаревания своего машинного оборудования. Хотя в обозримом будущем эти предложения, вероятно, так и не будут воплощены в действие, они группируются в один из возможных центров, вокруг которого может материализоваться бунт против науки в целом. И по большому счету несущественно, достоверны эти мнения, возлагающие на науку конечную ответственность за такие нежеланные ситуации, или нет. Социологическая теорема У.А. Томаса — «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям» — из раза в раз подтверждалась.

Короче говоря, эти основания для переоценки науки проистекают из того, что я ранее назвал «повелительной непосредственностью интереса»²⁵. Забота о выполнении первостепенной задачи — продвижения знания — сочетается с невниманием к тем последствиям, которые лежат за пределами сферы непосредственного интереса, однако эти социальные результаты отвечают на это тем, что становятся препятствием для осуществления изначальных устремлений. Такое поведение может быть рациональным в том смысле, что от него можно ожидать, что оно приведет к удовлетворению непосредственного интереса. Однако оно иррационально в том смысле, что ниспровергает другие ценности, которые в данный момент не преобладают, но, тем не менее, являются неотъемлемой частью социальной шкалы ценностей. Именно в силу того, что научное исследование проводится не в социальном вакууме, его последствия простираются в другие сферы ценностей и интересов. И в той мере, в какой эти последствия считаются социально нежелательными, ответственность за них возлагается на науку. Благodeяния науки не рассматриваются более как безусловное благо. С этой точки зрения, догмат чистоты науки и беспристрастности помог подготовить собственную эпитафию.

Линия фронта проходит через вопрос: может ли хорошее дерево приносить дурные плоды? Те, кому хотелось бы срубить дерево познания под корень или остановить рост из-за его ненавистных плодов, сталкиваются со встречным утверждением, что дурные плоды были привиты хорошему дереву агентами государства и экономики. Совесть индивидуального человека науки может быть успокоена суждениями о том, что неадекватная социальная структура привела к извращению его открытий. Однако это вряд ли удовлетворит озлобленную оппозицию. В точности

²⁵ *Merton R.K. The Unanticipated Consequences of Purposive Social Action // Op. cit.*

как *мотивы* ученого могут варьировать в диапазоне от страстного желания преумножить знание до всепоглощающего интереса к достижению личной известности, и в точности как *функции* научного исследования могут варьировать в диапазоне от обеспечения престижных рационализации существующего порядка до увеличения нашего контроля над природой, так и другие социальные *последствия* науки могут считаться вредными для общества или даже приводить к модификации самого научного этоса. Среди ученых принято считать, что социальные последствия науки, в конечном счете, *должны* быть полезными. Этот символ веры выполняет функцию обеспечения научного исследования рациональным обоснованием, но явно не представляет собой констатацию факта. Он заключает в себе смешение истины с социальной полезностью, которое характерным образом обнаруживается в нелогическом полумраке науки.

Эзотерическая наука как популярный мистицизм

Еще одна важная сторона связей между наукой и социальным порядком до сих пор редко доходила до осознания. По мере возрастания сложности научных исследований возникает необходимость в продолжительной программе сурового обучения для проверки или даже понимания новых научных открытий. Современный ученый неумолимо подчинился культуре непостижимости. Это приводит к возрастанию пропасти между ученым и обывателями. Обыватель вынужден принимать на веру предаваемые гласности суждения об относительности, квантах или прочих эзотерических предметах подобного рода. Это он с готовностью и делал, поскольку ему постоянно твердили о том, что технологические достижения, от которых он предположительно получал какие-то выгоды, рождаются, в конечном счете, из таких исследований. Тем не менее, у него остаются некоторые подозрения по поводу этих странных теорий. Популяризуемые и зачастую искажаемые версии новой науки делают упор на теории, которые кажутся идущими вразрез со здравым смыслом. Наука и эзотерическая терминология становятся нерасторжимо связанными в сознании публики. Для неподготовленных обывателей якобы научные заявления тоталитарных ораторов о расе, экономике или истории оказываются в одном ряду с суждениями о расширяющейся Вселенной или волновой механике. В обоих случаях обыватели не в состоянии понять эти концепции или проверить их научную достоверность, и в обоих случаях эти концепции могут расходиться со здравым смыслом.

Одним словом, мифы тоталитарных теоретиков будут казаться широкой публике более убедительными и, безусловно, более понятными, нежели подтвержденные научные теории, поскольку они более близки к

обыденному опыту и культурным предубеждениям. Следовательно, — и это отчасти результат научного прогресса — население в целом созрело для новых мистицизмов, облаченных во внешние одеяния научного жаргона. Иначе говоря, это потворствует успеху пропаганды. Заимствованный авторитет науки становится могущественным символом престижа для ненаучных доктрин.

Враждебное отношение общественности к организованному скептицизму

Еще одна особенность научной установки — организованный скептицизм, довольно часто превращающийся в иконоборство²⁶. Наука как будто бросает вызов «удобным властным допущениям» других институтов²⁷, просто подчиняя их беспристрастному анализу. Организованный скептицизм содержит в себе скрытое сомнение в некоторых основаниях установленной рутины, власти, принятых процедур и сферы «сакрального» вообще.

В действительности, с логической точки зрения, установление эмпирического генезиса представлений и ценностей не означает отрицания их достоверности, однако именно таким зачастую бывает его психологическое воздействие на наивное сознание. Институционализированные символы и ценности требуют установок лояльности, верности и уважения. Наука, задающая фактологические вопросы в отношении каждого аспекта природы и общества, вступает в психологический — но не логический — конфликт с иными установками по отношению к тем же данностям, кристаллизованным и частично ритуализованным другими институтами.

Большинство институтов требует беспрекословной веры; институт науки, напротив, возводит скептицизм в ранг добродетели. Каждый институт в этом смысле предполагает сакральную область, которая противится профанному исследованию средствами научного наблюдения и логики. Институт науки и сам предполагает эмоциональную приверженность определенным ценностям. Однако независимо от того, идет ли речь о сакральной сфере политических убеждений, религиозной веры или экономических прав, научный исследователь не ведет себя предписанным некри-

²⁶ Frank H. Knight, *Economic Psychology and the Value Problem* // *Quarterly Journal of Economics*. 1925. Vol. 39. P. 372-409. Неискушенный ученый, забывающий о том, что скептицизм является прежде всего методологическим каноном, позволяет своему скептицизму выплеснуться в сферу ценностей как таковых. Социальные функции символов начинают игнорироваться, и они начинают оспариваться как «неистинные». Здесь, опять-таки, смешиваются социальная полезность и истина.

²⁷ Charles E. Merriam, *Political Power*. New York, 1934. P. 82-83.

тическим и ритуалистическим образом. Он не устанавливает заранее никакой пропасти между сакральным и профанным, между тем, что требует некритического почтения, и тем, что можно объективно анализировать²⁸.

Именно это отчасти и лежит в основе бунтов против так называемого вторжения науки в другие сферы. В прошлом такое сопротивление исходило главным образом со стороны церкви, которая препятствует научному исследованию освященных доктрин. Текстуальная критика Библии до сих пор внушает некоторое подозрение. Такое сопротивление со стороны организованной религии убывало в своей значимости по мере того, как центр социальной власти перемещался в экономические и политические институты. Последние, в свою очередь, дают свидетельство неприкрытого непримиримо враждебного отношения к тому генерализованному скептицизму, со стороны которого, как считается, исходит вызов основам институциональной стабильности.

Подобное противодействие может существовать совершенно независимо от внедрения тех или иных научных открытий, которые бы казались обесценивающими конкретные догмы церкви, экономики и государства. Прежде всего имеет место диффузное, нередко смутное осознание того, что скептицизм может подорвать *статус-кво*. Необходимо еще раз подчеркнуть, что в возникновении конфликта между скептицизмом, относящимся к сфере науки, и эмоциональными привязанностями, которые требуются другими институтами, нет никакой логической необходимости. Однако, как психологическая производная, этот конфликт неизменно проявляется всякий раз, когда наука распространяет свои исследования в новые сферы, по отношению к которым имеются институционализированные установки, и когда расширяют сферу своего контроля другие институты. В тоталитарном обществе основным источником противодействия науке является централизация институционального контроля; в других структурах большее значение имеет расширение сферы научного исследования. Диктатура организует, централизует и, следовательно, интенсифицирует источники бунта против науки; в либеральной же структуре он остается неорганизованным, диффузным и зачастую латентным.

В либеральном обществе интеграция происходит прежде всего из совокупности культурных норм, на которые ориентирована человеческая деятельность. В диктаторской структуре интеграция производится в первую очередь формальной организацией и централизацией социаль-

²⁸ Общее рассмотрение сакрального в этих категориях см.: *Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. P. 37 и далее.*

ного контроля. Готовность к принятию этого контроля внушается через ускорение процесса насыщения государства новыми культурными ценностями, через замену медленного процесса диффузного внедрения социальных стандартов агрессивной пропагандой. Эти различия в механизмах, посредством которых типичным образом создается интеграция, обеспечивают различным институтам, в том числе и науке, в либеральной структуре большую гибкость самоопределения и автономии, нежели в структуре тоталитарной.

Благодаря строжайшей организации диктаторское государство настолько усиливает свой контроль над неполитическими институтами, что возникает ситуация, отличная от либеральной не только по степени, но и по типу. Например, в нацистском государстве репрессии против науки легче находят выражение, чем в Америке, где интересы не настолько организованы, чтобы насаждать науке ограничения всякий раз, как только они будут сочтены необходимыми. Для наличия социальной стабильности несовместимые чувства должны быть либо надежно отграничены друг от друга, либо интегрированы друг с другом. Однако такое отграничение становится фактически невозможным там, где наличествует централизованный контроль под эгидой какого-то одного сектора социальной жизни, навязывающего и пытающегося насильно насадить людям обязательство верности его ценностям и чувствам в качестве условия их дальнейшего существования. В либеральных структурах отсутствие такой централизации делает возможной необходимую степень разграничения, гарантируя каждой сфере определенное право на автономию, а тем самым обеспечивает возможность постепенной интеграции временно не согласующихся друг с другом элементов.

Выводы

Теперь можно кратко сформулировать основные выводы этой статьи. Во многих обществах существует латентная и активная враждебность по отношению к науке, хотя степень этого антагонизма установить пока еще невозможно. Престиж, приобретенный наукой за последние три столетия, настолько велик, что действия, ограничивающие изучаемую ею область или частично ее отвергающие, обычно сопровождаются заверениями насчет непоколебимой честности науки или «возрождения истинной науки». Эти словесные проявления уважения к пронаучным чувствам часто расходятся с поведением тех, кто их озвучивает.

Отчасти антинаучное движение проистекает из конфликта между этосом науки и других социальных институтов. Следствием, вытекающим из этого положения, является то, что нынешние бунты против на-

уки *формально* аналогичны прежним бунтам, хотя *конкретные* их источники различаются. Конфликт возникает тогда, когда признаются нежелательными социальные следствия применения научного знания, когда скептицизм ученого оказывается направлен на базисные ценности других институтов, когда экспансия политической, религиозной или экономической власти ограничивает автономию ученого, когда антиинтеллектуализм ставит под сомнение ценность и честность науки и когда в отношении научного исследования вводятся ненаучные критерии приемлемости.

В этой статье не предлагается программа действий, направленная на преодоление угроз развитию науки и ее автономии. Однако можно предположить, что до тех пор, пока центр социальной власти сосредоточен в каком-то одном институте, но не в науке и пока у самих ученых нет уверенности относительно их первостепенной лояльности, их положение остается шатким и неопределенным.

Перевод В.Г. Николаева